

№ 576
4

ГОД ИЗДАНИЯ ТРЕТИЙ.

Пролетарии всех стран, соединитесь!

Март 1925 г.

№ 9 (119)

Цена №-ра 10 коп.

КРОКОДИЛ

ЖЕНА НА ДЕМОНСТРАЦИИ.

Рис. Н. Купреяновс

— Только в „Международный День Работницы“ я узнал, что такое — трудовой день работницы.

ЖЕНСКИЕ ИМЕНИНЫ.

Нынче, до гудна освободясь от дел,
 Красных платков расплещется море.
 Нынче праздник справляет женотдел.
 Эй, работницы, все ли вы в сборе?

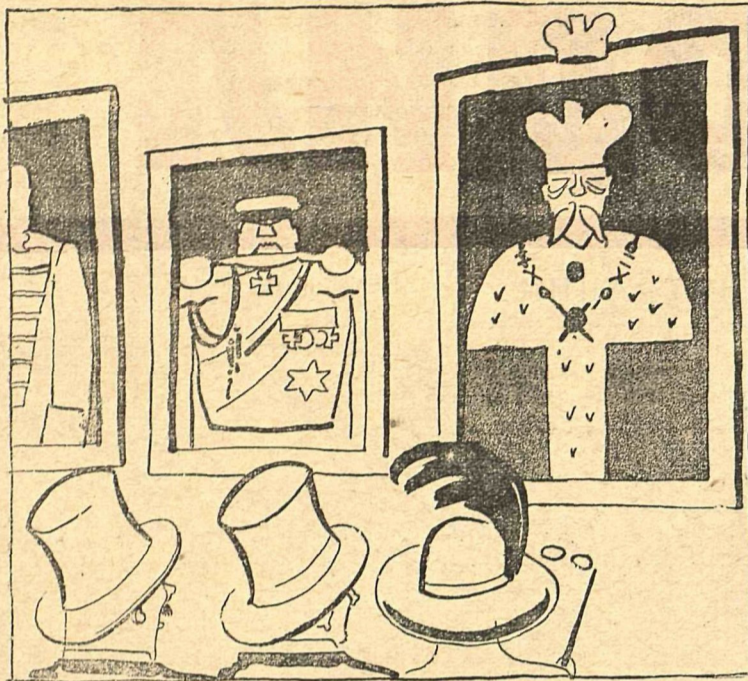
Мужа сегодня не ждет жена,
 Чай будут пить без матери дети,—
 Нынче работница подумать должна
 О счастье всех жен и сестер на свете...

Минет день, и новой жизни маия,
 Без нужи, стирни, плиты проклятой,
 И триста шестьдесят четыре дня
 Осветит этот—шестьдесят пятый!

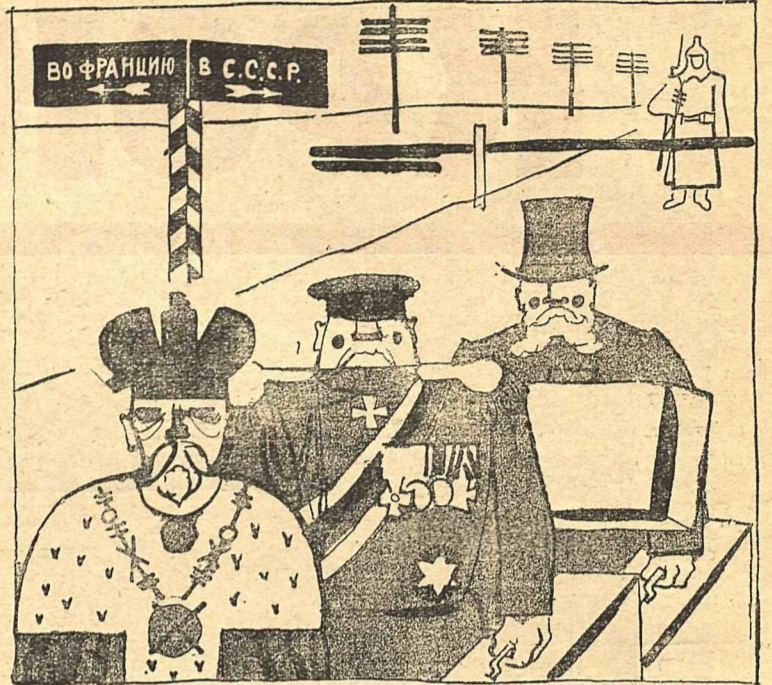
НАШЕ УЧАСТИЕ В ВЫСТАВКЕ.

Рис. Н. Денисовского.

СССР приглашен на всемирную художественно-промышленную выставку 1925 г. в Париже.

Французы, по обыкновению, выставят изображения князьев, графьев и прочих.

А мы уже давно выставили самих князьев, графьев и прочих.

ЛИЦОМ К БАРМАТУ.

Прошло лет тридцать. Герр Бауэр, последний германский социал-демократ, был уже таким, как последний российский поп.

... Настолько стар, что только один он, на всю Германскую ССР, и был „герр“, остальных звали „геноссе“, т.е. товарищ. А Бауэр не позволял. Ну, и прощали старику,—чорт с ним, какая разница!

Внуки герра Бауэра, Фриц и Мориц, играли в Совнарком мирового СССР, а старик Бауэр тихо копался в своей заветной шкатулочке.

— Смотри ка, Фриц—сказал Мориц:—дедушка-то опять колупается в своем барахле!

— А занятные у него манатки, Мориц, только их ни к какой игре не приспособишь,—крестики какие-то, кружочки, бумажки раскрашенные... смотри!

Ребята потянулись к деду.

— Герр дедушка, что это такое?

— Отвяжитесь, пострелята,—это реликвии!

— Разве вам, нынешним, об'яснишь? Вот этот орден еще от государя императора Вильгельма получил... В награду!

— За что в награду, герр дедушка?

— За дело, внучек, за дело... А это—от господина Бармата награда была,—тридцать серебрянников получил...

— За что же, герр дедушка?

— За рабочих, милый, за них все награждали!..

— Это, значит, недавно было? А почему не сами рабочие награждали?

— Давно было, милые! А рабочие? Хе-хе-хе... Нет, рабочие меня не награждали... Бармат, его превосходительство, тот—да! Как обманешь рабочих,—рупь! Предашь—пятерка!!! Деньги-то и шли...

Ребята с ужасом подскочили:

— Ты, дед, рабочих обманывал и предавал?

— Милые мои, несмысленыши!—умлился дед:—как же мне не обманывать и не предавать? Я же социал-демократом был! вождем, так сказать!

Ребята онемели.

— Вы думаете, это так просто, предавать рабочих-то? Намучаешься, бывало...

А господин Бармат—торопят. И монета опять же! Ну, и стараешься...

Какой был господин, его превосходительство! С его величеством за ручку еще здоровался... И был у нас, значит, даже лозунг такой: лицом к Бармату! Очень нам, социал-демократам, к лицу подходило это самое! Дда... За то, как дело сделаешь, придешь этта, чмокнешь ручку,—глядишь, и монета! Приловчился он давать, да и мы брали не плохо! И не заметно: кто со стороны подумает, из одного почтения человек зашел, к ручке приложиться. А оно, врешь, ручка-то—с деньгой была! И не оскудевала рука дающего...

Ребята плюнули и перестали слушать. Старик бормотал для одного себя:

— И Бармат был нам к лицу, и мы лицом к Бармату были!

Потому—социал-демократы... А вы—„за-чем предавали“.. Социал-демократы были! Эх, и были же-ж!! Вот реликвия,—господин Бармат плюнуть изволили во гнев, подобрал плевочек-то, да в бумажку!.. И слюна чудодейственная... Как пойдешь к рабочим, пальцем ткнешь в слону,—и сила новая в тебе!.. Ээхх!!!

— Брось, дед, противно!—взмолились ребята.

— Хе-хе-хе!—раскатился старик дробным смешком:—ай противно? Зато—живая копейка всегда!.. Дурачки вы, ребят-и!.. Хе-хе-хе!.. Социал-демократы, ведь, были мы, милые вы мои!

Голос старика перешел в невнятное бормотанье и скоро затих...

— Ну, и дед!—сплюнули ребята:—ведь жили-ж такие?!

Живут. И „работают“.

Вл. Павлов.

ЗОЛОТАЯ РЫБКА.

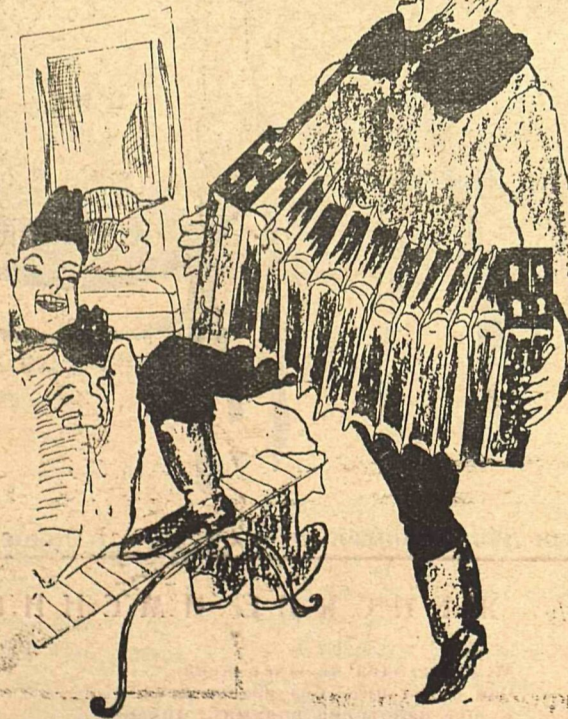
При перевыборах в сельсоветы избирались женщины.

Самогонщику Степану
День и ночь спокую нету:
Вишь, избрали тетку Анну
Председателем в совет!
Вот-те баба! Посмотри ты—
Сказку в жизнь перевела:
От разбитого корыта
Управлять она пришла!
Мужнику не уступая,
Баба лезет в гору—страсть!
Ай да РЫБКА ЗОЛОТЯ—
Трудовая наша власть!

Н. Конь—й.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ ПОНЕВОЛЕ.

Рис. художника Чайника.

Концерты Персимфанса в вагонах Северной
жел. дороги.
Пассажир—хоть вой, а слушай.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ С НАГРУЗКОЙ.

Почти правдоподобный рассказ.

Мне необходимо было повидать одного ответственного, очень занятого работника, по одному срочному, очень важному делу. Для этого я поступил в одно хозяйственное предприятие, проворовался—и на проворованные деньги выписал из-за границы знаменитого сыщика.

Надо сказать, однако, что на столь решительные действия я отважился не сразу.

Сначала мне посоветовали:

— Вы бы по телефону. Лично повидать—где-ж уж?.. Человек на семнадцати должностях, да сколько комиссий и совещаний, да парт-нагрузка, да проф-работа: рази-ж его застанешь? А по телефону—возможно. За день-то деньской во сколько мест натрезвоните..

Я затрезвонил. От моего трезвона испортились одиннадцать тел-барышен, сломались пять коммутаторов и потребовали перевода в высший разряд восемнадцать дежурных учрежденческих курьеров и курьерш. Но то-ку не получилось.

— Только что увошледи!—ласково и сочувственно отвечали мне из одних учреждений и организаций.

— Не пришедчи и навряд будет!—злорадно сообщали из других.

— На заседании,—угрюмо хрипели из третьих... И, если я не успокаивался, добавляли, с презрительным недоумением:

— Как же ж это я вам его вызову, когда он акурат сейчас выступает со словом?.. Ах, мало ли что! Ему не до важных и не до срочных!

— Что-ж, вы не знаете, что у него нынче два руководимых кружка?—удивлялись на другой день из пятых мест.

— Срочно от'ехамши в уезд,—уведомляли на третий день из шестых.

А из десятых, на четвертый день, объясняли:

— Был на совещании, но уехал в комиссию... Нет, не застанете, потому что вечером у него доклад... Нет, завтра едва ли, потому что доклад, коллегия, подготовка к с'езду, лекция и, кроме того, парт-день...

Тогда, на пятый день, меня научили:

— Гм, вот что разве... Станьте возле учреждения и дежурьте! Ведь, в лицо-то вы хорошо его знаете? Ну, еот...

Я стал. На исходе четвертого часа моего дежурства кто-то с портфелем выскочил из дверей, вскочил в автомобиль и уехал. А затем в дверях показались и укоризненно ухмыльнулся мне старший курьер:

— Ну, вот он! Укашил! Чего-ж не ловили-то?

— Да разве же это он?..

— А то-ж нет?—удивился курьер.—Но только, действительно, на себя непохож: доработался! С лица спал и с носу заострился. Сразу, конечно, не узнаешь...

Я плюнул—и пошел по другим учреждениям.

Через несколько дней, позним вечером, в коридоре одной организации мимо меня промелькнула чья-то тень.

— Чего-ж вы?!—подскочил ко мне секретарь.—Вот же, мимо прошел! А теперь—фью-ю!..

Я смутился:

— Но позвольте... Где?.. Когда?.. Я только тень чью-то видел!

— Так от него-ж только тень и осталась,—сказал секретарь.—Чему-ж еще быть, при такой-то работе? Ведь он уж месяца три, как из санатории: пора ухондакаться!

В конце концов, что же мне было делать?.. Пришлось поступить в хозяйственное предприятие, провороваться—и на проворованные деньги выписать сыщика. Но я опоздал...

— Было бы вам деньком-двумя раньше!—уныло сказал великий сыщик.—

А теперь уж никак его не проследишь и не застанешь: вчера на шесть месяцев в санаторию отвезли...

Если этот ответственный, очень нагруженный работник умрет, то я даже на похороны не пойду. И другим не советую.

Беспольный был человек, по совести говоря.

Что-ж из того, что на него была возложена гора нужных и важных обязанностей и дел? Ведь он не сделал, как следует, ни одного из них: у него не хватало на это ни сил, ни времени...

И не могло хватать.

Грамен.

СТИХОТВОРНЫЙ СМЕХОТВОРНЫЙ СЧЕТ.

(Высоцкому Борисовскому товариществу на счет).

„... Чуду-чудному, диву-дивному,
Высоцкому правлению кооперативному
Посылаем наше уважение и почет,
А, кроме сего, прилагается и счет:
За отпущенный Вам в кредит
Продукт, который здоровью не вредит
В пределах нашего района,—
За 40 четвертей самогона
Причитается двести рублей,
Кои и надлежит уплатить поскорей...“

* * *

Чудо-чудное, диво-дивное,
Правление кооперативное,—
Потребитель самогона
Всего тверекого района!

Чу—чу.

В ЕВРОПЕ.

Тюремщик: Странно! всю жизнь они кричат:—Дайте нам помещение, пищу и освободите от работы. А когда мы все это им даем—они голодают!

В КОРЕНЬ И ДАЖЕ ГЛУБЖЕ

О пере выборах в Советы.

Намечая кандидата в Совет, помни, что там для него будет работа.

Оживление при выдаче мандатов—еще не есть оживление советской деятельности.

Не надо забывать, что, кроме вхождения в трамвай с передней площадки, у членов Совета есть и другие обязанности.

Не всякий совработник—советский работник, так же как и не всякий беспартийный—беспартийный.

Когда хочешь сделать приятное начальнику—делай, но, пожалуйста, не посредством избрания его в Совет.

Когда хочешь голосовать самостоятельно—не гляди на голосующее начальство.

Совету нужны дельцы, но не из тех, которые могут обстригать ловкое дельце.

Женский глаз в учреждениях Совета полезен, чего нельзя сказать про женские глазки.

До сих пор было не мудрено избирать. Мудрено было запомнить—кто избран.

Егор Каменьщиков.

ОН ПОМОГАЕТ.

Рис. Ю. Ганфа.

В Москве объявлена „Неделя борьбы с проституцией“.

— Пойдем со мной, девочка. Я тебе, по случаю недели помощи проституции, полтинник прибавлю.

НАВРАЛ С ТРИ КОРОБА.

Рис. В. Михайлова.

На суде по делу „германской чека“ главный подсудимый Нейман оказался провокатором.

СУДЬЯ НИДНЕР (приставу): — Принесите-ка еще один короб. А то первые три короба подсудимый Нейман уже использовал.

ВЫХОД ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ.

Проф-поучение в трех главах.

I.

На VI Съезде Профсоюзов много говорилось о вреде от неумеренного употребления циркуляров.

После этого злоупотреблять циркулярами стало неудобно. Но, с другой стороны, как же так, чтоб без циркуляров?!

Стало совсем неудобно, и главное, непривычно.

К счастью, VI Съезд не предусмотрел новейших успехов науки и техники...

II.

...А Московский губотдел Союза служащих был в курсе новейших успехов. Он взял, да и поставил у себя в центре радиостанцию, на местах же, в 250 месткомах—радиоприемники.

III.

Теперь месткомы будут обеспечены циркулярами в полной мере. Но уж это—не простые циркуляры. Это—радио-циркуляры.

О радио же циркулярах нигде ничего в предосудительном смысле не сказано. Эх, т. Томский!.. Нешто вам поспеть за успехами техники?..

Гр.

ДЕЛА СВИНЯЧЬИ, СОБАЧЬИ И ОХОТНИЧЬИ.

Свиньи в ход пошли.

Ежели припомнить статьи, недавно появлявшиеся на страницах „Правды“ и „Бедноты“ о свиньях, то оно, конечно, может так и надо. Свинья, особенно щетина ее, это же ведь золотая валюта, как же не будешь много о свинье думать. Особенно Наркомзему, тут им и книги в руки.

Ну, оно Наркомзему-то так, а вот к чему Курупру особую заботливость к свиньям проявлять. Оно, конечно, ежели Курупр находится в ведении Наркомздрава, а Наркомздрав обязан, кроме людей, и всякую тварь лечить и заботиться о здоровье ее, то тогда понятно, почему этот Курупр такую симпатию имеет к свиньям.

В деревне Лимсны, Ялтинского района, курортное управление поместило в прекрасном жилом помещении, бывшем дворце, 52 свиньи. Поместило, и живут себе по-курортному милые свиньи.

В море, наверное, купаются, полеживают на солнце южном, жгучем. Не житье свиньям настало, а масленица.

И собакам не плохо.

Ну, там свиньи все-таки с'естное, питательное существо, а вот собака к чему, ежели она никакого питания не дает. Хотя за-границей все трещат языками, что в СССР безработица, голодовка и прочее, но все-ж это не причина для улучшения жизни собачьей породы.

Есть в СССР город Ростов. В Ростове есть „Донуголь“, в „Донугле“ есть собака. Собака ежемесячно получает жалованья 6 рублей.

Дается ли ей выходное пособие во время беременности или там во время кормления своих детишек,—неизвестно, но что она регулярно, каждое 25-ое число на руки получает 6 рублей, так это факт, а не реклама для собачьей породы.

А вот охотникам не поздоровилось.

Кто из нас не читал в газетах, что в Вятке волки появились, в самом что ни на есть городе, на самых что ни на есть улицах. Все читали. А, наверное, никто не знает подробностей. Так слушайте, занятно, я расскажу.

Прежде всего займемся статистикой—цифра, она не соврет, она—дело верное при всяких событиях. Так вот. Вятский союз охотников насчитывает 2500 членов. Союз этих лихих охотников в течение целого года убил 52 волка. Два же волка, которые появились в городе, в течение только двух часов перекусили 13 человек.

Кто бойчей работает—подсчитать дело не трудное.

Ежели принять во внимание, что эти два волка откусили носы двум вооруженным милиционерам, то, пожалуй, волки оказались куда храбрее храбрых охотников.

М. Б.

НОВАЯ БОЛЕЗНЬ.

— А какую болезнь-то доктор у твоего Митрия нашел?

— Симуляция, говорит, у него.

— Это что-же за болезнь?

— Паршивая... От ее, ежели она часто схватывается, не лежать будешь, а сидеть...

РОЯЛЬ.

В клубе имени товарища Дудочкина было большое оживление: с грохотом и шумными хлопотами был вдвинут в распахнутые двери и установлен у рамы, под „плугом и молотом“,—концертный, блестящей наружности,—рояль.

Ликующий завклуба шлепнул ладошкой по крышке рояля и молвил программно:

— Приобретение высочайшей культурной ценности! Для оживления клубной работы необходимая вещь.

Заведующий клубным Музо поддакнул:

— Рояль—она уж, конечно, не барабан и не мандолина. Всякому инструменту есть свое достоинство, но рояль нельзя даже и сравнивать. Как бы только насчет нот поразмыслить?

Зав. хорovým кружком отозвался на это:

— Ну, это уж вы, товарищ завмуза, перехватили! Ноты—буржуазный предрассудок... На кой чорт нам это? Петь—играть надо из души!

— Ключик-то, ключик рояльный обронили!—подала свой голос завклубиха.

— Пусть валяется. Мы роялей запереть не станем. У нас доступы для искусств всеобщие открытые! Это у буржуев, которые из непманов,—там ее на ключ да на замок, а мы... у нас, то есть...

— А вещь очень культурная!—сказал, садясь за рояль, рядовой член клуба,—при надлежащем использовании вполне себя, то-есть, занимает!

— Сыграй ты нам что-нибудь революционное!—заказали два шахматиста.

— Не могу!—покачал головой сидящий у рояля,—революционного не могу, потому вся игра моя в одном пальце.

— А что-ж ты можешь?

— Чижика могу!

— Дуй!

С полдня и до сумерек играл музыкант „Чижика“. Три пальца сменил и до того их застучал, что сгибаться перестали.

Вечером приходили кандидаты в члены клуба,—два подростка допризывного возраста, краснощекие и с хорошими кулаками. Уселись они за рояль играть „в четыре руки“. Уславливались так:

— Ты вот что, Ванька—я буду бить по правой половине, а ты на басы жми!

Ванька нажал на басы, другой забавал по тоненьким голосам; еще один доброволец—опрятный паренек в кепке—подошел; тот со всего размаху бил палкой по бронзовым подсвечникам. Тоже звонкость получалась.

В тот вечер много народу в клубе набралось: рояльные кости щупали, педальное дыхание пробовали и крышку до отказа открыли. После всего этого, две косточки отчего-то западать стали и отказывались подавать свой голос.

Вот на эти косточки досада взяла одного местного физкультурника: из под всех косточек звук есть, а тут—молчок!

Озлился парень.—Я—говорит—из вас, проклятых, выбью полный звук!

— Врешь, не выбьешь!—подвернулся вчерашний паренек в кепке.

— Выбью!

Да как хряснет по зубам рояльным: даже звон пошел, и какая-то внутренность у рояля оборвалась.

— Это что!—подзуживает кепка:—ты, вот, ножку из-под рояля вышиби!

Почесал за ухом физкультурник:—Вышибить не штука, да ножек-то у струмента всего только три. Ежели-бы человек—на одной бы ноге удержался, а такой струмент и на двух не выстоит!

— Эх, продолжает свое кепка—пользовались роялем буржуи всех стран, теперь и мы пользуемся!.. Снимайте, товарищи, крышку!.. Снимайте вы ее и...

— Сто ой!—взревел вдруг парень в треухе:—ты-то сам чей будешь?

— Я?—отступилась кепка,—я—родительский!

— А кто твои родители?

— Мои ро...

— Братцы, узнал... Этот же и есть ихний буржуазный сын... У его родителей этот струмент взят!!

— Во-от, ему оно и на руку—разрушение струментальности; ни нам чтобы, ни вам! А мы по его... указке Э-эх!

— А я-то!—вспотел покаянно физкультурник;—зубья слуду струменту отшиб...

— И дурак, не там зубья портил, где надо... Ты бы...

... Но сына буржуазного не было уже в клубе, в клубе имени товарища Дудочкина, того самого, что прославился шефством и руками мозолистами, высоко державшими знамя.

Л. Митницкий.

НЕ ПОНЯЛ.

Приезжал к нам в волость инспектор. Спрашивает:—Нет ли у вас взяточников?—А как же им не быть, говорим? Так точно, есть!—Где-же?—А в милиции некоторые сидят.—И давно?—Да давненько уж...

Тут он повеселел:—В милиции? Ну, и прекрасно! Значит все в порядке! Молодцы!

Да с тем и уехал... А у нас, как сидели в милиции взяточники—так и сидят. Никакой нам пользы от ревизии не вышло.

ДВА СЕЛЬКОРА.

Слышал, Ваня—вот уже нам и страхкасу открыли—теперь оно легче немного будет.

— Ну это не суть важно, мы все равно не за страх, а за совесть работаем.

УМНЫЙ ИНЖЕНЕР.

(Почти басня).

Был некий инженер силен умом,—
Бывало, заведет он речь о том,
Как землю „насквозь“ просверлить,
Из центра золото добыть.

Как нам под Каспием туннель устроить;
Потом начнет о том,
Что цвет—не цвет, а отблески лишь днем.

Короче говоря,
Рабочие не зря
К истопнику ходили за советом,
А инженера „крыли на чем свет—ом“.

—Эх-ма,
Поменьше бы ума,
Да больше дела—
Сказал один рабочий смело.

Товарищ.

ПОСЛЕ ТРУДОВОГО ДНЯ.

Рис. Б. Ефимова.

В двенадцать часов по ночам...

ВИЛЫ В БОК

ПАЛИ ЖЕРТВОЮ.

У пом зава нефтесклада при станции Батраки, Самаро-Златоустинской железной дороги, Васильева, умерла жена. Она была женщина набожная, чикакой общественной работы не вела.

Тем не менее похороны организовали пышно. Тело усопшей утонуло в венках и красных лентах.

Гудели протяжно гудки более часа, рабочих нефтесклада отпустили с работы на час раньше.

Особенно отличился местный райком РКП, который мобилизовал для участия в похоронах всех членов РКП, РКСМ и местных пионеров.

Хор пел „Вы жертвою пали“...

Про кого это пел хор? Не про организаторов ли похорон?

СИВЫЙ МЕРИН.

В заштатном городе Кольвани, Ново-Николаевской губернии и уезда, имеется пожарное депо, в котором есть 10 лошадей.

Брандмейстер дал всем лошадям имена вождей революции и вывесил в конюшню соответствующие таблички.

Интересно узнать, какую табличку вывесил брандмейстер над своим стойлом.

РОСКОШНАЯ ЖИЗНЬ.

До сих пор капуста считалась демократической пищей. А оказывается—ничего подобного.

Правление Кольчугинского ЕПО при открытии кредита отнесло капусту—к предметам роскоши.

Не слишком ли большая роскошь иметь такое умное правление?

КОМЕДИЯ.

Надо полагать, что 27 января гортеатр г. Бердичева был переполнен, ибо афиша гласила:

При участии прокурора Бердичевщины
П. Г. Щербакова поставлено будет:
Мадам Сан-Жен
Сан-Жен—Самборская Наполеон—
П. Г. Щербаков.

Вот это артист! По крайней мере по всем статьям сыграет, как полагается.

Рис. Е. Оболенской.

СВОЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ.

— Ты что же, сволочь, на меня протокол составил? Думаешь, что ты председатель, так ты должен за самого протоколы составлять, а?
— Прости, Егор Семенич, грех попутал... В пьяном виде я был... А будь я черезый—ни в жисть бы не составил.

РАБОТА В СОВЕТЕ.

Как же вовлечь крестьянку для работы в советах? Оказывается, очень просто. В Сретенском уезде, Забайкальской губернии, эту задачу, решили так.

В рождественский сочельник молодежь села Кокуи чрезмерно развеселилась и в порыве веселия разобрала изгородь, раскидав жерди. Возникло дело о хулиганстве. Сельсовет постановил:

„Винных по существу хулиганства в первый раз—женский персонал привлечь на работу на побелку школы, а мужской персонал—на распилку дров“.

„Женский персонал“—9 девушек—отказался подчиниться наказанию и был отправлен по этапу за 12 верст в Сретенский Волисполком. Председатель Вик'а наложил такую резолюцию:

„Предложить распоряжение выполнить без оговорок, произвести помывку полов в Вик'е...“

Как видите, задача была решена просто, и 9 крестьянских девушек были привлечены на работу в совет. Надо только отметить, что девушки оценили это внимание к ним по своему, и все девять подали заявление о выходе из организации женщин-делегаток.

БЫЛОЕ.

Помню я одно из своих посещений какой-то старорежимной канцелярии. Теснота, давка, ругань вполголоса. В очереди со мной стоял знакомый токарь и говорил мне:

— Вот проклятые чинуши, как обращаются с народом! С нами разговаривают через дырку, а с привилегированными—за перегородкой...

Действительно, в маленькое окошечко, прорезанное в высокой, глухой перегородке, отделяющей канцеляристов от просителей, было видно, как там, у канцеляристов, обдeldываются дела „вне очереди“.

— А мы, вот, стой здесь часами!..

Просители волновались...

Всю эту бюрократическую картину я вспомнил на-днях, когда пришлось побывать в Сокольническом райсовете, в поисках комнаты. Вспомнил я потому, что сходство обоих учреждений было полное.

Егор Ка.

ТОЖЕ СОКРАТ.

Вздумал г. Максимов, зав. почтово-телеграфной конторой г. Чернигова, подведомственные учреждения облагодетельствовать.

И облагодетельствовал—дрова для них через лесную кооперацию заготовил по 50 руб. за сажень. А на месте такие же дрова стоят 20—15 рублей. О чем и написал в местной газете рабкор Габрусевич.

Этого было достаточно для того, чтоб Габрусевич больше служащим почтово-телеграфной конторы не числился. Сократили! А разве рабкора сократишь? Не он, так другой, а совдурка разоблачат.

НАШЕСТВИЕ ДВНАДЕСАТИ ЯЗЫКОВ НА СССР.

Теперь понятно, почему говорят—великий русский язык.

Оказывается в нем есть вот какие перлы: Ленинградсахранфабриктекстиль.

29 букв в одном слове.

Действительно великий.

Огромный. Длиннейший.

Только такой язык не только до Киева, но и до добра не доведет. Факт.

ФАБКОМ ГОРИТ.

Культурбота на фабриках обыкновенно ведется фабкомами. Но бывают и исключения. Вот выписка из протокола:

— „Предложить заводууправлению Яхромской фабрики открыть красные уголки на основании акта пожарного п/одела Дмитровского Уисполкома от 9/XII.“

Почему пожарный п/отдел? Может быть потому, что у фабкома—кишка тонка?

ДВЕ БУМАЖКИ.

В гор. Керчи в Н-ом полку был отдан такой приказ: „Приказываю всему комполитсоставу не отлучаться в город без увольнительной. Встреченные мною командиры и политработники без увольнительных будут отправляться на Губу.“

Прочитав этот приказ, один из командиров пишет:

Р а п о р т.

Ввиду того, что моя жена должна на-днях рассыпаться, прошу вашего распоряжения о разрешении выехать, в случае необходимости, без указанных формальностей.

Командир.

Откуда взял командир полка такой приказ, когда, согласно действующему уставу, комсостав употребляет свободное время по своему усмотрению—неизвестно. Но что такой приказ был издан, и что один командир написал такой рапорт,—так это факт. Кому вонзить вилы в бок? Пусть они поделаются между собой.

ЦИРКУЛЯРЧИК.

Всем райстрахотам Щадринского округа.

Ц и р к у л я р н о.

Об'ездом участков в округе обнаружено следующее: Батуринский агент т. Колеватов сидел в конторе, читая вслух описание святой обители на Афонской горе во имя царицы небесной, именуемой „нечаянная радость“, изд. Фесенко. Одесса. Аудиторию чтеца составляла высохшая старушенка, копия египетской мумии. Чтение о „нечаянной радости“ закончилось немедленной сдачей дел Колеватовым новому агенту.

Зав. Щадринским Окрстраха Добролюбов.

26/1—1925 г.

Приказ даже хорош. Оно, конечно, не приличествует читать в конторе „нечаянную радость“, но чтоб об этом, да в приказе по всему району сообщать—это, по крайней мере, черзчур.

„УМНЫЙ“ ПРИКАЗИК.

В Челябинском округе имеется знаменитый Ко-сулинский райисполком. В райисполкоме сидят люди работающие. Все там идет хорошо, работают все без устали, а особенно по писательской части. Писать они любят, ой, как любят. Но разве не приятно написать такое, к примеру сказать, постановление: „Все женщины, не состоящие в браке, должны зарегистрироваться в райисполкоме о времени и месте зачатия“.

Разве же это не работа, и какая работа! Вы только подумайте. Легко ли было выдумать такое постановление! Сколько часов, наверное, думали, сколько исписали бумаги, перегрызли ручек, прежде чем решить.

А не вывешат ли райисполкомщики такого приказа: „Ввиду нашего всем известного тупоумия мы единогласно порешили зарегистрироваться на конкурс мировых умников“.

А что вы думаете, разве не издадут такого приказа? Ей, ей, издадут. Умеючи - то разве долго.

ДВОЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ.

На Московско-Казанской жел.-дор. есть Куровская фабрика. В фабрике той, как полагаются, есть администрация, фабком, ячейка, рабочие и т. д. Речь у нас пойдет, конечно, об администрации и не столько о ней, сколько о кабинетах. Надоело ли администрации близко жить от организаций, или еще по какому случаю, — только однажды на дверях одной комнаты появилась вывеска: — „Прием посетителей по личным делам от 10 до 12 час“.

Ну, вывеска, как вывеска. Кто теперь вывесок не делает, всякий уважающий себя человек обязательно должен о часах приема вывешивать объявление. Только получилось что-то странное. Кто не придет в эти указанные часы, в комнате никогда никого нет. Долго гадали, узнавали, думали, — в чем же дело. И только недавно истина всплыла наружу. Оказалось, что умная администрация устроила для себя два кабинета, один с вывеской о часах приема, а другой с вывеской: „Без разрешения администрации не входить“.

И получается так, что в первый кабинет она не приходит, а во второй не пускает, ссылаясь на первый.

Так умная администрация обесопасила себя от вторжения рабочих.

Ввиду кризиса следовало бы один кабинет заселить, а в другом снять вывеску, чтобы не морочить рабочим головы.

Рис. К. Елисева.

СИЛЬНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ.

На фабрике им. Ленина директор Ферре пишет вот какие приказы:

— Производство находится на колеблющейся, качающейся плоскости, готовое в любой момент оторваться от своего фундамента...

Или:

— Последний раз предлагаю всем служащим административно-технического персонала проститься со старой системой работы... Провинившиеся будут немедленно и безоговорочно подвергнуты аппаратной чистке“.

А то вот еще:

— Приказываю технорукам и мастерам самым широким образом оглашать среди товарищей рабочих все мои приказы. Провинившиеся будут привлечены к судебной ответственности“.

Но это все еще ничего. Пишет человек и пишет не спроста, а для дела, очевидно для дисциплинарного взыскания, так как, в заключение, директор распорядился:

— Приказы предлагаю изучать самым тщательным образом.

Плохие, знать, рабочие на этой фабрике, если такое жестокое наказание им придумал т. директор.

О ВЫСТАВКЕ.

Много еще таинственного и загадочного в природе.

Слуцкий Здраводел получает от Белорусского Наркомздрава отношение:

Охматодел препровождает вам при сем выставку по охматмладу.

Приложение: упомянутое.

Подпись: Фиалкина.

Прочитали в Здраводеле бумагу, посмотрели в конверт, но „упомянутой“ выставки „при сем“ не оказалось. Запросили. Ответ получился вразумительный: „послано при отношении“... И баста. Куда девалась посланная „при сем“ выставка, неизвестно.

Такая же история происходит и с высылкой кредита на консультацию. Перевод был сделан еще в декабре, а денег до сих пор не получено.

Здраводел шлет телеграмму:

— Где же деньги?

А Наркомздрав спокойно отвечает:

— Высланы тогда-то, за таким-то номером...

И так бесконечно.

Где деньги, — „Крокодил“ в точности не знает, а на счет выставки осведомлен. Выставка у нас припрятана. И мы ее можем дать, например, той же Фиалкиной, или кому другому, кто сию выставку заслужил.

„ОБРАЗЦОВАЯ“ КОМСА.

ВИНОЧЕРПИЙ ИЗ КАНЫ ГАЛИЛЕЙСКОЙ.

Не подумайте, дорогие читатели, что речь идет о настоящем виночерпии из Каны галилейской. Нет, речь идет... Да вот слушайте. Начнем по порядку. Есть в СССР деревня Трибушины (Тульской губернии). В деревне есть уполномоченный по борьбе с самогоном. Собрал однажды этот уполномоченный собрание крестьян, на котором он объявил: — „Что всякий гражданин покупать самогон может и должен, но чтоб ни один гражданин не мог платить за бутылку самогона свыше 50 коп. Самогонщиков же, кои будут требовать большую плату, будут привлекать к судебной ответственности“.

Сам же уполномоченный ходит по самогонщикам и производит пробу крепости самогона, чтобы она не превышала законных 30 градусов.

Пробует, конечно, дотошным способом, как бывало виночерпии пробовали — на вкус.

Успевает ли он пройти хоть половину деревни, нам неизвестно, но что после пяти дворов, в каждом из которых он должен для пробы отпить из десятка бутылок по несколько глотков самогону, — он бывает без ног и без рук. И не только чтобы различить крепость, но и не различит корову от избы.

Ну, и виночерпий.

РЫБКИ ЗАХОТЕЛОСЬ.

Известно, что „Крокодилу“ приходится пожирать много всякой дряни. Должность такая. А на днях захотелось „Крокодилу“ — рыбки. И что же? Только захотелось — смотришь, а рыбка сама в пасть лезет. При таком вот документе:

Союз работников коммунального хозяйства.

Общий Отдел Арзамасского Уисполкома предлагает вам уплатить к 10 февраля с. г. в наш книжный магазин 7 р. 85 коп. за отпущенный вам товар; за неуплату в срок будут приняты надлежащие меры.

Завед. Общ. Оид. Окунев.

Завед. магазином Сазанов.

Общий отдел находится в одном здании с союзом, но бумажка, конечно, получена 17-го февраля, да и сама она помечена в исходящем журнале 11-го числа. А как ведь сказано административно: „Належащие меры!“

Окунев и Сазанов рыбешка мелкая, костлявая, но ничего — есть можно.

(Продолжение „Вил в бок“ — на 8 стр.).

Оживляют собрания ячейки...

Распространяют разумные развлечения (вроде шахмат...) (Севериковская ячейка, Тульского уезда и губернии).

...и действительно занимаются физкультурой.

ТЕЗКА.

Было так: завуполитпросветом г. Благовещенска зашел в редакцию „Амурская Правда“ для того, чтобы, совместно с редактором, просмотреть корреспонденцию об одной избе-читальне.

Вдруг входит редактор т. Абрамович, он же завагитпроп.

— Ты что здесь делаешь? Мешаешь работать.. Много вас таких гавриков шляется.

Завуполитпросвет думал, что редактор изволит шутить. Но „они“ еще грозней и громче:

— Отдал корреспонденцию и уходи. Не мешай работать...

— Я здесь не без дела,—робко заметил завуполитпросвет.

— А я думаю, что ты ни черта не делаешь. Уходи! „И я“,—пишет в корреспонденции завуполитпросвет,—„начинающий журналист, член РКП, ушел униженный. Больно стало. Выгнали в шею“.

Кому вы, т. Абрамович доставили удовольствие своим поведением? Не знаете? А „Крокодил“ знает! Своему тезке—меньшевику Абрамовичу вы доставили удовольствие. Вот кому!

ЗАГРАНИЧНЫЕ БЛЮДА.

У нас за время революции совсем вывелись гастрономы. Даже и слово-то это не все знают. Что такое „гастроном“? Это—человек, любящий хорошо поесть. Ценитель тонких блюд.

Мы, конечно, от этого далеки. Не до того, и не по карману.

Что мы едим?

Щи по Моссельпромски. Щи по Нарпитовски. Щи без таракана. Щи с тараканом.

С тараканом сытней, но тоже не вкусно.

Зато за-границей, там блюда, так блюда!

Недавно я расспрашивал одного вернувшегося товарища:

— Чем же кормят в чужих странах?

— Как где... В Германии, говорит, угостили меня Ч.К. по Берлински.

— Это что же такое?

— А это рабочие сливки с гарниром из провокаторов.

— И вкусно?

— От гарнира—с души рвет! Однако, тамошние буржуи и не такую еще пакость лопают.

Ну, а еще чем? Соус «Тартар» не пробовали? Говорят—вкусный...

— «Тартар» не припомню. А вот соус Бармат подавали... «Социал-демократы под соусом Бармат».

— Т. е. это как же социал-демократы?

— А это фрукты такие. Ну, и фрукты!

— Так. Ну, а еще что?

— А вот еще в Польше—окрошка

— А это как?

— А это—сложная штука. Во-первых, берутся помещики из восточных окраин и мелко изрубляются партизанами, во-вторых, городские рабочие толкуются буржуазией и ППС в ступе в порошок и, в-третьих, на все это выпускается американский заем в 50 миллионов долларов.

— Чорт возьми! И вкусно?

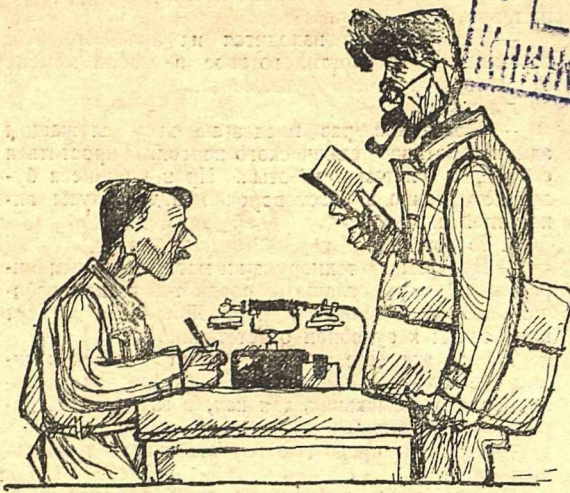
— Солонно. Рабочим. Пока. А потом, надо думать, будет еще солоней, но только уж не рабочим...

Куда же нам до заграничных с нашими щами?

Августов.

НОВОЕ ДЕЛО.

Рис. Б. Е.

— Товарищ Сергеев, вам бюро поручает сделать доклад о недопустимости перегрузки работников.

— Сейчас. Вторник... Среда... Пятница... Могу в субботу. Я буду свободен от половина одиннадцатого до двенадцати ночи.

ЦЕРКОВНЫЕ ЦЕННОСТИ.

Церковные ценности кое-кто продолжает укрывать еще до сих пор. Барнаульский Алтайсоюз, например, имеет у себя делопроизводителем личного состава—попа Николаенко, а инструктором—благочинного Шадрина.

Благочинный даже не остригает свою гриву—жалуется „Крокодилу“ рабкор.

А зачем ее остригать? Поповская грива тоже церковная ценность. Вдруг Алтайские кооператоры сделаются безбожниками, сократят попу—куда он без гривы пойдет? Пусть не стрижет. Она ему пригодится

Б. Самсонов.

„НЕОСТОРОЖНОСТЬ“.

Не умеют у нас ценить и беречь людей. Вот что сделали с И. И. Быковым, завом примусного отдела Гмоза в Кольчугине (Владимирской губернии). У Быкова имеется свой дом, который он наделил жильцами и гонит с них монету. Жил Быков тихо, смиренно, в полной безвестности. Но вдруг пришла беда. Не знаем когда и почему, заводоуправление дало домовладельцу Быкову квартиру в четыре комнаты с чуланом, погребом и коровником.

Ну, и что же случилось?.. Получилось дело дрянное. Поднял „Крокодил“ Быкова на вилы, а его и видать всему СССР. Зачем так было делать? Надо беречь людей, а не коровники-быковники им подсовывать...

В Москве ищется хороший журнал „Красная Нива“. Редактор—тов. Ю. Стеклов. Редактор задает читателям довольно-таки трудные задачи, ребусы, загадки. Особенно трудным был ребус № 38. Я выбился из сил, пытаюсь разгадать ребус и, наконец, отступился. В № 6 „Красной Нивы“, наконец, приведена разгадка ребуса и список читателей приславших верное решение, но меня в этом списке не было.

На первом месте, в числе самых остроумных и догадливых читателей по Москве, значился... кто бы это был? Ни за что не угадаете!

Ю. М. Стеклов!!! Редактор!!! „Красной Нивы!!!“ Вот кто первым разгадал ребус „Красной Нивы“. Кто не верит—пусть посмотрит № 6 названного журнала на странице 143, внизу.

На красную доску его!—вот клич, который единодушно вырвется у восторженных читателей.

Впрочем, пальму первенства у тов. Стеклова определенно оспаривает какая-то „Ассоциация Голодранцев“, которая разрешила еще и другой ребус и получила в почтовом ящике того же номера приглашение:

— Присылайте.

Читатель Л. С.

ЖИЗНЬ ПОЛНА ОПАСНОСТЕЙ.

Оказывается, есть еще люди на свете, которые не знают общеизвестного анекдота о верблюдах и зайцах.

Приходится его им рассказать.

Бежит заяц. Его спрашивают:

— Куда бежишь, косой?

— Спасуюсь,—говорит.—Вышел приказ подковывать всех верблюдов.

— Да, ведь, ты не верблюд?

— Действительно, я—заяц, но когда тебя возмрут да подкоуют—поди тогда доказывай, что ты не верблюд.

Анекдоту этому, наверное, лет сто. Тем не менее воспитательное значение этого общеизвестного анекдота нисколько не отразилось на директоре Старо-Константиновского завода (Волынской губернии)—гр. Гурвице.

Гр. Гурвиц, оказывается, обложил зарплату ремонтных рабочих гербовым сбором.

Запрашивает рабочком ретивого директора—на каком основании удерживает он гербовый сбор, а директор отвечает:—„Гербовый сбор брали и будем брать до тех пор, пока рабочие не докажут бумагой от фининспектора, что их зарплата освобождена от гербового сбора“.

Пора бы т. Гурвицу отличать верблюда от зайца. А то этак Гурвиц и „Крокодил“ примет за курицу, а он вас возьмется и слопают.

Он такой...

КАК ТЕТКА МАТРЕНА В МОСКВУ ЕЗДИЛА.

Тетка Матрена тридцать годов ткачихой работала и никуда с фабрики не выезжала, а тут получает письмо от сына Андриуши:

— „Дорогая мамаша, приезжайте погостить, себя показать и на меня посмотреть“. А служил он в Москве, в тресте, должность занимал высокую—на шестом этаже курьером. Ну, вот.

Приехала Матрена. Отыскала дом, в котором сынок проживает. Лезла, лезла по лестнице, аж в пот ударило. Под конец лезть некуда. Тут и квартира Андриушина, а самого дома нет, по должности занят.

Села Матрена на кукырочки. Ждет-пождет. К вечеру приходит Андриуша, весь восторженный, и говорит:

— „Здравствуйте, мамаша! Очень рад, что вы приехали, но придется вам меня обождать, я должен в срочном порядке итти, у нас сегодня митинг.“

— А ты меня возьми, Митю посмотреть,—говорит Матрена.

— Ладно. Идемте.

Приходят к дому, комнат в нем штук пятьдесят. Водил, водил Андриуша, все не сюда, все не сюда, под конец сюда привел. Зала—что ткацкий отдел, и народ на стульях сидит. Села Матрена, а куда смотреть и чего слушать, не знает.

— Смотрите, мамаша,—говорит Андриуша,—вон на ту занавеску, сейчас митинг начнется.

Действительно, занавеска растопырилась, выходит человек: ноги длинные, волосы лохматые, очки на носу,—и пошел говорить. Рукой машет, вдоль и поперек ходит и все говорит, и все говорит.

— Ну,—думает Матрена,—и говорун же этот Митя!

А Митя сначала про заграничных буржуев рассказывал, а потом на фабричные дела сехал.

— У нас,—говорит,—на фабриках трудовой дисциплины нет, прогулы и лентяйство. Ткачихи неграмотны, на собрания не ходят, газет не читают, дома с пеленками да с горшками возятся. Так, говорит, производительность труда трудно поднять будет. Женщины-работницы должны быть сознательными.

Задел тетку Матрену Митины слова. Вскочила она и крикнула:

— Врешь, очкастый! Желаю я сказать про работниц!

Андриуша ее за рукав дергает, шипит:

— Мамаша, сядьте! Прошу вас, мамаша!

Куда там! Какой-то человечек Матрену под ручку на сцену проводил, на самое видное место поставил и говорит:

— Говорите, товарищ, ваше слово! Просим вас.

Куда и робость делась у Матрены. Вонзилась она глазами в Митю длинноногого и начала его отчитывать.

— Он,—говорит,—ткачих ругает, что неграмотны, и прогулы. Я за станком тридцать годов стою и прогулу не было. Грамоту ликвидировать, читать и писать умею, даром что мне пятый десяток. Так что нечего неправду про меня говорить! А что касается женщины-работницы, так я и без него знаю, что я женщина, а какая работница, пускай у наших спросит!

Отчитала на все корки. Кончила, и сразу к ней робость вернулась.— Батюшки!—думает,—да чего я наговорила! Рассердится Митя.— А Митя очкастый в ладоши хлопает, подходит к Матрене и руку жмет.

— Спасибо вам, товарищ. Вот если бы все женщины-работницы были такие, как вы!

Чудно! Тут Андриуша за рукав тянет, домой зовет. Пришли домой, чаю попили. Матрена говорит:—Еду, сынок, домой. Спасибо за ласку, а только скучно мне без фабрики.

Утром, прямым сообщением без пересадки приезжает на фабрику. Ткачихи к Матрене: Рассказывай, что в Москве видела? Какой там народ живет?

— Чудной народ,—говорит Матрена,—ты его ругаешь, а он тебе спасибо говорит, в ладоши хлопает. Длинноногий, очкастый, Митей мазывается.

Архип

ПО П Р А В К А.

В заметке „Средство от бессонницы“, напечатанной в „Крокодиле“ № 5, вкралась досадная ошибка:

Следует читать вместо „докладчики т. т. Троицкая и Голосова“, докладчики т. т. Гавникова и Голосова“.